

ЧТЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА

Николай Поселягин

Гуманитарное знание и госзаказ

Имеет смысл начать с очевидной вещи: любое государство для выработки собственной идеологии пытается рекрутировать те силы, которые, по мнению этого государства, способны производить идеологемы наиболее профессионально и эффективно — пусть даже идеология является не основной целью их существования, а только побочным продуктом. В число таких сил часто попадают и гуманитарные науки.

Рекрутирование происходит разными путями в зависимости от общих установок государственных органов на то, как государству следует взаимодействовать с собственными гражданами. Меня сейчас интересует только одна из этих установок — когда государство, провозглашающее себя единственным гарантом всеобщего блага и порядка, считает возможным директивно устанавливать этот порядок и назначать нормы социального поведения. В современной социологии такой режим взаимодействия государства и общества называется *policing*, или полицирование. Однако при полицировании государство не может само напрямую обосновывать необходимость порядка и некоего «общего блага» (включая пояснения, что вообще должно собой представлять общее благо для данного общества): у него нет для этого необходимых дискурсов и,

главное, нет стремления вырабатывать общие со своими собственными гражданами дискурсивные практики. Диалогические дискурсивные практики предполагают равноправное партнерство между государством и гражданами — пусть даже только в акте коммуникации, — но при вертикально-иерархической структуре, которую также предполагает режим полицирования, равноправные отношения невозможны уже по определению. Следовательно, государству для выработки собственной идеологии необходимо искать «субподрядчиков».

Здесь необходимо сразу оговорить одну вещь. То, что я буду далее описывать — т.е. практику госзаказа, — само до определенной степени является идеологемой, представляющей все дело так, как если бы это была объективная, а в чем-то даже единственно возможная реальность. В то же время госзаказ существует тогда, когда мы этому верим и готовы играть по правилам этой игры (хотя и не всегда добровольно). Вместе с тем подобная объективация имеет смысл, когда нужно понять внутреннюю логику явления; однако при этом необходимо всегда помнить, что представленная картина во многом является идеологическим конструктом.

Итак, одной из практик взаимодействия между государством и обществом в режиме полицирования является госзаказ — представление общества в виде своего рода коллектива «офисных работников», которым правительство-«дирекция» сверху спускает задания, нацеленные на повышение эффективности работы всего «предприятия» — государства. Члены общества оказываются социальными функциями самих себя, причем каждый из них обладает четко определенным и ограниченным полем функциональности.

Госзаказы — крепёжные механизмы вертикальной организации: государство спускает заказ на выработку политической идентичности, и те, кого оно выбрало в данный момент на роль исполнителей, его выполняют. В результате сами члены объединяемого сверху общества в этой ситуации вновь оказываются инженерами идентичности, нанятыми работниками идеологического фронта, причем не столь уж важно, какие социальные роли они играют вне данного конкретного госзаказа и какими идентичностями обладают. При госзаказе обеими сторонами — и государством, и исполнителем, в данном случае гуманитарием, — предполагается, что гуманитарное знание (и, как следствие, гуманитарные науки) самостоятельной ценностью не обладает.

Поскольку вырабатываемая политическая идентичность постулируется государством-заказчиком как единственно верная, то и вырабатывающий ее гуманитарий-идеолог обретает статус авторитета в предложенной государством системе координат. Даже если заказчиками являются конкурирующие политические партии или блоки, ни один из которых не обладает монополией на государственную власть, и, следовательно, о «единственно правильной» идентичности говорить не приходится, роль гуманитария — исполнителя госзаказа от этого принципиально не меняется. В этом случае он просто начинает выполнять заказ какой-либо одной политической силы или ищет такое решение, которое устроило бы всех (как правило, в результате получается предельно размытая идеология с упором на эмоциональное сплочение общества). Однако такой статус авторитета фактически покупается ценой отказа от какой-либо социальной самостоятельности, а также ценой прямого встраивания в вертикаль государственной власти. Кроме того, эта авторитетность — условно назову ее «вторичной» — не

равна той, которая была создана в предшествующие эпохи (прежде всего позитивизмом XIX века), опиралась на высокий статус науки как таковой, а носители ее были по умолчанию независимыми от государства — объективными и не ангажированными. Для сравнения: в России вплоть до 1980-х годов первичная фигура ученого-авторитета часто могла выступать ценностной альтернативой неавторитетной власти (например, это происходило в позднесоветскую эпоху с гуманитариями типа С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили и др.). В то же время фигура «вторичного авторитета» эту связь с традицией потеряла и способна теперь обладать определенным весом и статусом только среди активных потребителей вырабатываемой ею же идеологии.

При этом сам госзаказ можно подразделить на две разновидности — жесткий и мягкий — по двум (как минимум) критериям: (1) создание специальных институций по регулированию отношений между потенциальными исполнителями заказов и (2) последствия, которые влечет за собой отказ от выполнения госзаказа. Пример жестких госзаказов — текущая политика России практически во всех сферах; примеры мягкого госзаказа — создание культурных канонов в Дании и Нидерландах. Мягкий госзаказ в той или иной степени присущ, наверное, всем государствам без исключения; в гуманитарной сфере он проявляется в государственном спонсировании целевых исследовательских проектов, финансировании рабочих групп, создании специализированных журналов и издательств, проведении целевых конференций и т.д. Специальные комиссии либо создаются под одиозный проект, либо не имеют конкурентного преимущества перед другими (частными) грантодателями. В любом случае, они регулируют лишь отдельный сектор гуманитарного поля, не имея возможности воздействовать на это поле целиком. Результатом отказа от выполнения госзаказа будет только лишение источника финансирования со стороны государства-заказчика, при этом гуманитарий будет знать, что после этого может спокойно участвовать на равных правах в других конкурсных распределениях негосударственных грантов. Государство, практикующее жесткую систему госзаказов, напротив, стремится полностью поглотить гуманитарное поле, сделав его агентом своей идеологической политики,

и накладывает санкции на уклоняющихся от исполнения (в радикальном случае — устанавливает тоталитарные отношения).

Режим полицирования предполагает практику скорее жесткого, чем мягкого госзаказа: ведь если потенциальный исполнитель откажется выполнять заказ или предъявит свои собственные требования, то это внесет дисбаланс в вертикальную иерархию, что, с точки зрения заказчика, является беспокойным и небезопасным. Однако представляется, что небезопасной является как раз сама практика госзаказа в режиме полицирования: она цементирует односторонние вертикально-иерархические социальные отношения и изгоняет за пределы поля публичности все, что в эту односторонность не вписывается. Как показывал Ю. Хабермас, это вызывает глубокие деформации в самой структуре социальных отношений, которые в конечном счете приводят к стагнации или даже полному разрушению социума, практикующего вертикально-иерархический стиль саморегулирования.

Поскольку государство-заказчик всегда стремится сохранить систему своих заказов в том состоянии, которое само считает оптимальным, то определенные (в большей или меньшей степени) попытки полицирования при госзаказе, по-видимому, неизбежны. Чтобы их все-таки избежать, нужно найти иные пути снятия социальных конфликтов и регулирования общественных отношений — без обращения к госзаказам и вообще каким бы то ни было вертикально-иерархическим социальным заказам.

В России в советское время сформировалось мнение, что практика госзаказов — это чуть ли не единственно-возможная реальность для гуманитарных наук, неизбежное зло, с которым надо либо как-то мириться, либо уйти от него в изоляцию чистой и самозамкнутой научности. При этом даже продолжая заниматься, например, комментированием трудов С.Л. Франка или публикацией полного собрания сочинений И.А. Гончарова, приходится постоянно осознавать свою маргинальность в современном мире, как социальную, так и концептуальную (или, наоборот, демонстративно игнорировать ее, что, впрочем, является лишь негативной формой признания ее истинности). Подобный взгляд на вещи сохранился и после распада СССР. Но эта ситуация близка к реальности лишь для сообществ, построен-

ных по вертикально-иерархическому принципу (на самом деле, не только государств, но и для сообществ других типов: допустим, взаимоотношения современных так называемых «православной философии» и «православного литературоведения» с Московской патриархией ничем принципиально не отличаются от взаимоотношений гуманитарных наук с государством-заказчиком). Как я уже говорил, ответственность за подобное положение дел распределяется между заказчиком и исполнителем примерно поровну: исполнитель готов играть по правилам, навязываемым ему заказчиком, не пытаясь ничего изменить; заказчик представляется либо априори правым, либо абсолютно тоталитарным, но в любом случае исполнитель чувствует себя неравноправным партнером в диалоге и заранее соглашается на любую форму принуждения — в том числе и на госзаказ.

Однако помимо вертикально-«заказной» практики можно постулировать и другие — горизонтальные — виды социальных практик между участниками социального поля. Одной из них может быть практика договорных отношений, проходящих в режиме взаимоуважительного сотрудничества. Эти отношения основаны уже не на спускаемых сверху приказах, а на принципах паритетности и партнерства. Их участников можно уподобить не офису с начальством и подчиненными, а чему-то вроде независимой коммуны с равным распределением любых видов социальных отношений между любыми ее членами. В этом случае о «заказе» в употреблявшемся выше смысле речи не идет (скорее перед нами разновидность общей социальной работы), а главное, тот индивид или институция, которые совершают некоторый аналог заказа, не имеют необходимых инструментов для воздействия на исполнителей и регулирования их действий — другими словами, не имеют возможностей для одностороннего упорядочения их деятельности в режиме полицирования. Здесь «заказ» равен не «приказу», а скорее «договору»: одна сторона соглашения обязуется выполнить некую социальную работу качественно и в срок, другая же примет результаты этой работы и, в свою очередь, будет готова выполнить для первой стороны какой-либо иной тип работ, для которого она обладает большей компетентностью.

Судя по всему, на государственном уровне применение такого принципа со-

циальных отношений утопично. Во всяком случае, если представлять себе государство более-менее традиционно — т.е. как сеть институций, существующих для управления определенной территорией и проживающим на ней населением, — то без определенной централизации и аппарата принуждения оно не сможет функционировать в прежнем виде. Вместе с тем практика договорных отношений вполне может работать в пространстве относительно небольших сообществ, организованных по принципу ризомы, т.е. гетерогенной сети отношений (в данном случае социальных) без центра и иерархии. В этом случае носитель гуманитарного знания может выступать в двух ипостасях: (1) как профессионал в своей области, обладающий кругом компетенций, актуальных для других членов сообщества, (2) посредник в диалоге между разными представителями сообщества, которые заинтересованы в успешности коммуникации друг с другом, но без помощи представителя гуманитарных и социальных наук не могут эту коммуникацию совершить (т.к. сообщество в целом принципиально гетерогенно). Другими словами, носитель гуманитарного знания оказывается здесь в роли, с одной стороны, эксперта в области языка и культуры, а с другой — в роли переводчика. Очевидно, что обе эти ипостаси взаимосвязаны и одна без другой существовать не могут: экспертное знание, например, о различных культурных особенностях не нужно, если не будет востребовано для урегулирования межкультурных конфликтов; знание языков не нужно, если все члены общества говорят на одном языке.

По большому счету, перед нами — столкновение двух утопий (я употребляю понятие «утопия» в смысле проекта, реализация которого столь же принципиально невозможна, сколь и необходима, и в результате люди выстраивают свое поведение, ориентируясь на этот проект как на заветную «конечную цель» своих действий). С одной стороны, госзаказ как вертикально-иерархическая модель — это механистическая утопия, где и исполнители, и заказчики являются в конечном счете деталями единой «машины». Государство в этом случае абсолютизируется, его пространство становится однородным и монологичным; потребность в переводе здесь отпадает по определению, а экспертное знание превращается в авторитетный канон, призванный легитимировать и поддерживать существующий

порядок вещей — программу работы этого абсолютного механизма. Этот канон, с одной стороны, сам является продуктом госзаказа и, в наиболее радикальном случае, продуктом жесткого полицирования, но он же обеспечивает работоспособность всех остальных частей этой машины, включая и государственные органы, выступающие заказчиком. В чистом виде и при этом в работоспособном состоянии такую практику можно наблюдать, пожалуй, только в романе Оруэлла «1984»; в реальности даже в наиболее закрытых и тоталитарных обществах должны присутствовать элементы гетерогенности, иначе в какой-то момент в силу чрезмерной внутренней жесткости в них начнется процесс необратимой деформации всей государственной машины. Итогом, как в случае красных кхмеров, становится тотальный геноцид и исчезновение государства.

Противоположная утопия — общество демократического равноправного партнерства, которое я обозначил термином Ж. Делеза и Ф. Гваттари как «ризому». В этом обществе конфликтов нет не потому, что они жестко подавляются и любые ситуации приводятся к единообразному навязанному сверху порядку, а потому, что любые возможные конфликты вовремя «снимаются» общим совместным трудом по урегулированию отношений между различными сегментами этого коллектива. Разные сообщества, входящие в такое общество, и разные индивиды являются именно что разными, и каждый уважает в другом — Другого. Роль носителя гуманитарного знания здесь сугубо техническая: он следит за работоспособностью всех социальных связей, чтобы, с одной стороны, они не рвались из-за принципиальной гетерогенности общей структуры, а с другой — чтобы одни части общества не начали подавлять другие. Представители гуманитарных и социальных наук в рамках этой утопии, метафорически выражаясь, говорят на всех языках, следя, чтобы Вавилон оставался Вавилоном.

Однако сообщества с горизонтальным принципом организации существуют не только в модусе утопий, и потенциал гуманитарного знания как совокупности коммуникативных ценностей и инструментов по их использованию в социальных практиках остается актуальным для ряда демократических режимов. Если вернуться к взаимодействию между частными людьми и государством, то фигура гуманитария как эксперта-переводчика ока-

зывается полезна для таких форм демократии, как, в частности, коммуникативная демократия (термин Хабермаса) — когда государственная политика проводится в режиме диалога с гражданами, предлагающими одни решения и ненасильственно протестующими против других, — и партисипативная демократия — когда граждане сами непосредственно включены в производство государственной политики. Гуманитарное знание в таких обществах является особым рода социальной практикой, которая способствует выявлению внутренних и внешних конфликтов, их рационализации и улаживанию в режиме взаимоуважения сторон, — другими словами, оно выступает носителем уже не командных, как при госзаказе, а коммуникативных ценностей.

Примером актуальности гуманитарного знания с точки зрения коммуникативных ценностей может выступать информация об этнокультурных, религиозных, идеологических и т.п. особенностях различных сообществ (от субкультур до наций), об их искусствах, нормах этикета, социальных стереотипах, формах бытового поведения, об их отношении к собственному прошлому. Ориентация во всех этих видах знания способна дать ключ к тому, какими способами можно ненасильственно урегулировать конфликты между этими сообществами и даже открыть общий базис для дальнейшего сотрудничества. Чем острее социальные, религиозные, этнические конфликты (вплоть до вооруженной формы), тем более востребованным окажется гуманитарное знание об этих регионах.

Потенциал гуманитарного знания в названных выше демократических режимах заключается в первую очередь в том, что оно способно найти общий язык между, с одной стороны, государством и обществом, а с другой — между разными видами сообществ и внутри этого общества, т.к. оно обладает (должно обладать) знанием культурных кодов всех этих агентов общего политического поля и умеет находить (должно уметь) соответствия между культурными кодами любых участников коммуникации. Еще раз повторю, что гуманитарное знание начинает выступать, по сути, в роли универсального семиотического переводчика — точнее, цикла процессов перевода — между различными сообществами и индивидами: оно оперирует кодами, которыми те обмениваются, выявляет моменты несовпадения этих кодов, провоцирующие

непонимание (и конфликты) между коммуникантами, и подвергает их рациональному осмыслению. Строго говоря, эту роль семиотического посредника способны выполнять не только гуманитарные и социальные науки. Однако именно в них на данный момент наиболее отработаны механизмы выявления, интерпретации и трансляции культурных кодов, операции семиотического перевода (т.е. перекодировки и передачи смыслов) между разными культурами. Это не значит, что гуманитарное знание ликвидирует все моменты межкультурных несовпадений — так оно может выступать только при командном сценарии, когда само становится, по сути, одним из прикладных инструментов полицирования и начинает устранять все смыслы, которые не вписываются в парадигму заказчика, единообразно упорядочивая остальные. В случае же горизонтальной коммуникации в режиме взаимоуважения и взаимной заинтересованности участников гуманитарное знание эксплицирует моменты несовпадений и устанавливает между ними сетку диалогических отношений (обоюдных интерпретаций). Далее в действие вступают другие механизмы горизонтального социального урегулирования.

Фактически при выявлении и снятии конфликта мы имеем дело с чем-то вроде гуманитарного менеджмента — регулировкой коммуникативного процесса с целью достижения наибольшей взаимной эффективности. Однако позиция технического менеджера не равна позиции исполнителя заказа при командной системе отношений: он в данном случае не испытывает зависимости от других участников коммуникации (которые в режиме госзаказа играли бы роли заказчика и выбранного им объекта идеологического воздействия), а выступает третьим — медиальным — звеном между ними. Утратив позицию авторитетного пророка незыблемых ценностей, который «знает истину» по умолчанию и уполномочен навязывать ее остальным членам своего общества, гуманитарий взамен встраивается в непрерывный процесс производства и распределения подвижных ценностных парадигм в текучем обществе, устроенном по принципам диалога.

Коммуникативные конфликты исчерпываются за счет максимально адекватного их проговаривания. Образ гуманитария-академика, который обладает абсолютным представлением о какой-либо локальной области

знания (например, «специалист по викторианскому роману»), замещается образом гуманитария-универсала, свободно оперирующего необходимыми в данной ситуации кодами, находя «ключи» к системам ценностей каждой из конфликтующих сторон. Но поскольку в реальности представить себе подобный универсализм довольно сложно, фигура гуманитария этого типа вполне может быть коллективной, причем ее составными частями как раз могут оказаться гуманитарии академического типа. В самом деле, чем глубже гуманитарий знает систему ценностей, представлений, стереотипов, ритуалов и т.п. в данной конкретной области (например, в области бытового поведения в исламских странах), тем легче ему подобрать надлежащие «ключи» и исчерпать конфликт, если причины его возникновения затронут эту область. С другой стороны, увеличение численности людей, образующих коллективную фигуру гуманитария, лишает ее необходимой мобильности; задачей является нахождение баланса между этими факторами.

В то же время при командных социальных отношениях конфликт не исчерпывается, да и не может быть исчерпан: заказчик знает только одну систему кодов и ценностей — свою собственную, — и постулирует ее как единственно-истинную, а гуманитарий-исполнитель должен ее реализовать. Соответственно, все, не подпадающее под канон этой системы, исключается или подавляется; таким образом, конфликт, однажды возникнув, не исчезает, а продолжает теплиться, не имея возможности проявиться явно, вызывает в обществе описанные Хабермасом патологические деформации и в конце концов разрушает не только систему кодов и ценностей заказчика, но и самого заказчика как социальный феномен. То явление, которое Лотман изображал как эволюцию семиосферы через серию взрывов, потрясающих до основания саму эту семиосферу и заставляющих ее каждый раз заново радикально обновляться (а потом стагнировать), относится прежде всего именно к семиосферам командного типа. Семиотические системы же, ориентированные на идеал коммуникативных ценностей и горизонтальных социальных отношений, не имеют необходимости проходить раз за разом через циклы взрывов и стагнаций — у них есть внутренний потенциал для спокойной и продуктивной эволюции.

Необходимо еще раз подчеркнуть: то, что здесь было сказано об обеих практиках политической актуализации гуманитарного знания — и о практике госзаказа, и о практике коммуникативного посредничества, — это до определенной степени «внутренняя» картина: как гуманитарное знание само для себя может представлять свою роль в том или ином социально-политическом режиме. От меня тут остались лишь оценки этих режимов. Тем не менее, подобные метаописания, хоть и мифологичны по своей сути (в реальности все не так просто, как пытаются представить вольные или невольные разработчики этих метаописаний), но важны для понимания внутренней логики и структуры описываемых явлений. Пусть, например, идеал коммуникативной демократии остается идеалом, хотя бы уже потому, что сложно представить, чтобы все члены общества умели и хотели друг с другом договариваться (а это предполагается как одно из начальных условий): тем не менее это совсем не значит, что коммуникативную демократию нельзя рационализировать и использовать в качестве утопической конечной цели реальной политической деятельности.

Хотя здесь я ограничился только одной иллюстрацией — гуманитарными науками, — но предполагаю, что подобные явления можно наблюдать и в других сферах социальных взаимодействий, а сами принципы можно считать одной из потенциальных работающих моделей социальных отношений. Возвращаясь же к теме, вынесенной в заголовок, — т.е. к практике госзаказа, — можно, мне кажется, сделать следующий предварительный вывод:

Практика госзаказа оказывается весьма удобной, с точки зрения государства-заказчика, в тактическом отношении, однако разрушительной в дальнейшей перспективе. При усилении интенсивности полицирования она остается едва ли не единственным способом социальной коммуникации между верхним этажом (государство) и нижним (сеть сообществ, представляемых в виде унитарной нации) в этой иерархии, помимо непосредственного физического воздействия. Это подрывает как способность к коммуникации, приводя к патологическим коммуникативным деформациям во всей публичной сфере, так и, в дальнейшем, саму возможность существования такого государства как автономного социального образования.